

О времени сложения “Былины о Сухмане”¹

Вопрос о времени сложения былин имеет огромное значение для их понимания. Зная эпоху, в которую была создана та или иная былина, исследователю легче искать исторические события, легшие в основу ее сюжета, определять ассоциации, которые рождали ее образы, понимать социальные звучание былины и ее мировоззренческие основы. Однако методика датировки былин еще не вполне разработана. Это порождает серьезные противоречия в вопросах о времени создания того или иного памятника русского народного эпоса. Среди многих критериев, используемых для датировки былин, очень важным, как кажется, является история сложения текстов эпических памятников, прослеживаемая по их отголоскам в письменных источниках. Использование этого метода хорошо можно увидеть на примере “Былины о Сухмане”.

“Былина о Сухмане” относится к числу распространенных былин. Она дошла до нас в двух редакциях - северной и алтайской², отличающихся построением сюжета. В первой редакции “Былина о Сухмане” дополнена мотивом недоверия князя Владимира к подвигу богатыря, обиды и самоубийства героя. Она принадлежит киевскому циклу, но стоит изолированно от других былин – нет других былин, где бы действовал Сухман, кроме “Гистории о киевском богатыре Михаиле сине Даниловиче двенадцати лет”. Сюжет распространенной и самой полной редакции былины таков? На пиру у князя Сухман обещает поймать руками лебедушку, но во

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования РФ по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02-1.2-538

² Шамбинаго С. Исторические переживания в старинах о Сухане // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. Ч. II. С. 503-515; Описание всех известных ныне вариантов былины с разделением по редакциям привел в своей книге С.Н. Азбелев: Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора.. Л., 1982. С. 290.

время охоты внезапно узнает о появлении татар, неподготовленным вступает в бой и побеждает врага, но его победа встречена с недоверием и обиженный герой, после того как его правота доказана, умирает. Главной особенностью являются необходимость принятия героем решения вступить или не вступить в бой неподготовленным и отсутствие благодарности ему.

Былины о Сухмане давно привлекала внимание исследователей, которые высказывали различные мнения о времени ее создания. Однако чаще всего они пытались определить происхождение того или иного мотива или детали, а на этом основании и время сложения былины. При этом каждый сюжетный ход эпического сказания рассматривался ими изолированно от других ходов.

Так, П.А. Бессонов считал былинку очень древней, несущей «явные следы происхождения мифического, доисторического». Свой вывод он сделал на том основании, что, безо всякого на то основания, видел в имени Сухмана корень, от которого в санскрите произошли названия солнца и разных стихий³. Видный представитель мифологической школы А.Н. Афанасьев также полагал, что былина восходит к глубокой древности, а ее образы связаны с языческими представлениями славян⁴.

О.Ф. Миллер и С.К. Шамбинаго, напротив, видели в поведении князя Владимира и его окружения, а также в описании пира и раздаваемых пожалований отзвуки времен опричнины⁵. Конфликт князя и богатыря в былине рассматривался как отзвук ссоры Ивана Грозного с Михаилом Воротынским. С датировкой «Былины о Сухмане» XVI в. согласились и А.И. Соболевский, связавший имя героя с именем Сукман, известным по акту 1503 г. и в топонимике Московской области⁶, и В.Ф. Миллер, сопоставлявший

³ Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956. С. 198.

⁴ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. С. Т. II. С. 223-224.

⁵ Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 617-625; Шамбинаго С. Исторические переживания в старинах о Сухане // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. Ч. II. С. 505-515.

⁶ Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 246.

отчество богатыря с именем псковского князя Довмонта ⁷, и Б.М. Соколов, усматривавший, в след за С.К. Шамбинаго, влияние на былинку “Сказания о Мамаевом побоище” и черты эпохи Ивана Грозного в бытовых подробностях легенды ⁸.

М.Е. Халанский обратил внимание на сходство былины с рассказом Никоновской летописи о Демьяне Куденевиче. Думая, что в основе “Былины о Сухмане” лежит древнее сказание, ученый высказал предположение, что оно на юге Руси легло в основу рассказа о переяславском герое, а на северо-востоке Руси – вошло в состав былины ⁹. А.С. Якуб, также находя в “Былине о Сухмане” много общего с летописным рассказом, считала основанием былины народное предание XII в., отразившееся и в Никоновской летописи. Былина искажила имя и отчество героя ¹⁰. Близкого мнения придерживался П.П. Миндалев, сопоставивший былинку еще и с “Житием Меркурия Смоленского”. Сходство же со “Сказанием о Мамаевом побоище” исследователь объяснял общими приемами эпического стиля ¹¹.

П.В. Владимиров попытался объединить обе точки зрения. Отрицая тождество былины с летописным рассказом о Демьяне Куденевиче и наличие в ней сентиментальных черт, он и отождествление охоты видел в “Былине о Сухмане” сочетание старинных мотивов (происхождение реки из крови богатыря) с чертами княжеского быта XI-XII вв. (разговор князя с рекою в “Слове о полку Игореве”). В обещании богатыря изловить руками лебедушку исследователь видел один из древнейших способов охоты, наивно сопоставляя нереальное задание с естественным способом лова диких

⁷ Миллер В.Ф. Очерки народной русской словесности. М.; Л.: ГИЗ, 1924. Т. III. С. 167-173.

⁸ Соколов Б. Непра-река в русском эпосе // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. СПб., 1912. Т. XVII. Кн. 3. С. 201-210.

⁹ Халанский М.Е. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. С. 53-57.

¹⁰ Якуб А. К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. Кн. LX. № 1. С. 43-66.

¹¹ Миндалев П.П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 266-273; Миндалев П. Ответ на рецензию г. Л. Белецкого // ЖМНП. Новая серия. Пг., 1915. апрель. С. 422-426.

лошадей¹². Л.Т. Белецкий, приняв сопоставление “Былины о Сухмане” с “Житием Меркурия Смоленского”, посчитал, что былина возникла позднее жития¹³.

М.О. Скрипиль, обращая внимание на существование двух редакций былины: северной, в которой одновременно присутствуют мотив битвы с татарами и мотив конфликта богатыря с князем, и алтайской, в котором присутствует только мотив битвы с татарами, считал неразрешенность конфликта в северной редакции былины нарушением многовековых традиций. На этом основании исследователь считал, что первоначальный вид былины, отразившийся в ее алтайской редакции, был создан в древности, а свой современный вид она приобрела после решительной переделки в XVI в.¹⁴

В.Я. Пропп, считал основной идеей былины изображение зла социального, как зла морального и датировал ее XVI в.¹⁵

В.И. Малышев в своем обстоятельном разборе былины не стал обращать особое внимание на время ее создания, но сопоставил с другими эпическими произведениями русского народа и воинскими повестями древнерусской литературы. Он считал, что былина восходит к “Сказанию о Мамаевом побоище”. Отражением эпического памятника в русской книжности он считал “Повесть о Сухане”, известную в записи XVII в.¹⁶

По мнению Б.А. Рыбакова, былина о Сухане Одишмантиевиче стоит несколько особняком в киевском цикле. Она относится к сказаниям о так

¹² Владимиров П.В. Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев, 1896. С. 228-229

¹³ Белецкий Л. К литературной истории повести о Меркурии Смоленском (по поводу статьи г. П. Миндалева “Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос”. Казань, 1913, 16+7 стр.) // ЖМНП. Новая серия. Пг., 1914. декабрь. С. 355-370.

¹⁴ [Скрипиль М.О.] Народное поэтическое творчество XV-XVI вв. (былины, пословицы) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 339-340.

¹⁵ Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С374-384, 538-539.

¹⁶ Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956.

называемых младших богатырях и близка былине о Сауре Ванидовиче ¹⁷. Имя героя исследователь толковал как тюркское “су хан”, т.е. князь воды. Б.А. Рыбаков считал, что “Былина о Сухмане” отражала историю русско-половецких отношений во второй половине XII в., когда воины черных клобуков, носившие, как и Сухман, не русские имена, сражались за Русь. Ученый еще более уточняет время сложения былины - 1183-1192 гг. Основанием для такого утверждения ему послужило то обстоятельство, что в этот период произошла ссора с киевским князем князя торков Кунтувдеем, подвергшийся оговору и опале в 1190 г. Сближению этой ситуации с обидой Сухмана на князя Владимира, по мнению Б.А. Рыбакова, способствуют разговор с рекой и название Днепра - Словутич, также встречающийся в “Слове о полку Игореве” (1185 г.), наименование предводителя татар в некоторых вариантах былины Азбяк Таврульевич, сопоставляемого с Кобяком Карлыевичем, убитым в 1183 г. ¹⁸ В.П. Аникин полностью принял мнение Б.А. Рыбакова ¹⁹

В.И. Калугин также обратил внимание на связь эпического сюжета о Сухмане с рассказами Ипатьевской летописи о Демьяне Куденевиче под 1148 г. и Никоновской летописью об Алеше Поповиче и Яне Усмошвице под 1001 г. Вспоминал он и “Повесть о Сухане” ²⁰.

Критический разбор иностранных исследований “Былины о Сухмане”, проведенный В.И. Малышевым, показал, что зарубежные ученые также предлагали различные варианты датировки былины – от глубокой древности (А. Брюкнер, Дж. Дюмезиль, Л.А. Магнус, И. Махаль, Ю. Кржижановский) до XV-XVI вв. (Р. Траутманн, В. Воллнер, Н.К. Чадвик) ²¹.

¹⁷ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. - М., 1963. С. 139.

¹⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [М.:] Изд-во АН СССР, 1963. С. 139-140, 145-150.

¹⁹ Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. С. 317.

²⁰ Калугин В.И. Струны рокопашу...: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1989. С. 255-258.

²¹ Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.: Л., Изд-во АН СССР, 1956. С. 206-209.

Из приведенного обзора мнений видно, что взгляды исследователей на время появления “Былины о Сухмане” значительно расходятся, а для определения ее датировки использовались достаточно произвольные толкования отдельных мотивов и имен, стилистических приемов и идей, а также поиск книжных параллелей.

Последний метод представляется самым надежным. Поскольку былина известна в двух редакциях, а параллельные ей места обнаруживаются в различных памятниках древней русской книжности, то история ее сложения может быть достаточно хорошо восстановлена при сопоставлении всех этих текстов.

Безусловно ближайшим к былине памятником книжности является “Повесть о Сухане” XVII в.²² Но, помимо этой повести о Сухане, известно еще несколько произведений, сюжеты которых построены с использованием того же набора ходов и тех же мотивов. Это, прежде всего, сказание о Демьяне Куденевице Ипатьевской летописи, сказание о Евпатии Коловрате в цикле повестей о Николе Зарзском и житийная повесть о Меркурии Смоленском.

Так, Ипатьевская летопись под 1148 г. рассказывает о том, как Глеб Юрьевич навел на Русь половцев и осадил Переяславль. Демьян Куденевиц вместе с Тарасом разбил врагов. Но Глеб Юрьевич с половцами вновь “оступиша град” Демьян Куденевиц вышел на встречу им “не имеа же ничтоже одеания доспешнаго на себе”. Он смог опять разбить половцев, но и сам “изнеможе от ран”. К умирающему богатырю спешит великий князь Мстислав Изяславич с богатыми дарами и обещает герою славу и власть, но герой отказывается от всего, поскольку чувствует, что умирает²³. На

²² Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956.

²³ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 343.

сходство рассказа летописи с “Былины о Сухмане” обращали внимание многие исследователи ²⁴ .

В этом рассказе нет еще мотива ссоры с князем, а есть лишь основа для его дальнейшего появления – подвиг богатыря остался не вознагражденным. Но сама гибель Демьяна Куденевича, свершения подвига в тайне от всех и не вознагражденность героя составляют специфические черты и “Былины о Сухмане”.

Сюжетное построение и многие детали повествования еще более сближают “Былину о Сухмане” и с рассказом о Евпатии Коловрате из “Повести о разорении Рязани Батыем”. Фольклорность образа Евпатия давно отмечалась исследователями ²⁵ , но его близость образу Сухмана не привлекала к себе должного внимания.

Однако нельзя не признать необычайное сходство сюжетной схемы “Былины о Сухмане” и рассказа о Евпатии Коловрате. В обоих произведениях герой внезапно оказывается перед необходимостью самостоятельного решения вопроса – вступить или не вступить в схватку с численно превосходящим противником (в былине герой узнает о нашествии врага, находясь на охоте, в повести – приехав в только что разоренный и обезлюдивший город). В обоих памятниках подчеркивается неравенство сил (громадное численное превосходство противника. И там, и там герой одерживает победу и погибает. Показательно использование обоими произведениями этого редкого сюжетного хода - гибели героя. Подвиг их первоначально не имеет свидетелей, которые могли бы по достоинству воздать им честь. В “Былине о Сухмане” князь Владимир не верит рассказу

²⁴ М.Е. Халанский Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. С. 53-57; Якуб А. К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. Кн. LX. С. 43-66.

²⁵ Водовозов Н.В. Повесть о разорении Рязани Батыем // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 48. Вып. 5. М., С. 3-27.; Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 118-139; Путилов Б.Н. Песня об Авдотье Рязаночке // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163-168; Путилов Б.Н. К вопросу о составе Рязанского песенного цикла. ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 230-244; Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 43-48; Поляничев В. Первый рязанский писатель. Литературная Рязань, 1989. Кн. 4. С. 225-230.

героя о победе, приказывает заточить его в погреб, а после получения доказательств правдивости слов Сухмана, приказывает отпустить его, но тот не желает принимать милость и кончает жизнь самоубийством. В “Повести о разорении Рязани Батыем” честь Евпатию воздает его противник Батый, что само по себе не приемлемо для героя. Излишество этой чести подчеркнуто еще и тем, что она воздается мертвому богатырю.

Сходство обоих произведений подчеркивает и такая деталь, как использование против героев осадных машин-пороков, что невозможно в реальном полевом сражении. В “Былине о Сухмане” “царь Азбук, видя гибель свою неминуемую – убить богатыря нечем – велел зарядить три порока, а в пороке по рогатине”²⁶ Огромные самострелы были скрытно поставлены в глубоком овраге, и выпущенные из них рогатины нанесли смертельные раны Сухману. В “Повести о разорении Рязани Батыем” “возбоялись татары, видя какой Евпатий крепкий исполин, и навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его”²⁷.

Большая близость обоих произведений заставляет учитывать сказание о Евпатии Коловрате при реконструкции истории сложения “Былины о Сухмане”. Поэтому стоит задаться вопросом: когда же появилась “Повесть о разорении Рязани Батыем”, содержащая рассказ о Евпатии?

“Повесть о разорении Рязани Батыем” - давно и хорошо известный памятник древнерусской литературы. Ни один курс по истории древней русской литературы не обошел вниманием это произведение. Однако она до сих пор имеет две взаимоисключающие датировки - XIII-XIV вв. и XVI в.

Со времен Н.М. Карамзина ее воспринимали как свидетельство современника татарского нашествия на Русь²⁸. Обоснованию ранней

²⁶ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [М.:] Изд-во АН СССР, 1963. С. 146.

²⁷ Цит. по Рыбакову

²⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1818. Т. III. С. 277-281.

датировки много сил отдали Д.С. Лихачев²⁹ и его ученица И.А. Евсева-Лобакова³⁰. Отнесение “Повести о разорении Рязани Батыем” к XIII-XIV вв. аргументировалось ими живостью изображения бедствий, обрушившихся на Русь, глубоким патриотическим чувством и остротой переживания, пронизывающими все произведение. Д.С. Лихачев сосредоточил внимание на связи повестей Николо-Зараского цикла с памятниками древнерусской литературы XIV-XV вв. (“Задонщиной”, “Повестью о нашествии Тохтамышша на Москву”, “Словом о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского”, “Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.”), причем, первичным он считал текст “Повести о разорении Рязани Батыем”.

Но, хотя выявленные Д.С. Лихачевым текстуальные заимствования не вызывают сомнений, он не смог убедительно доказать первичность повестей Николо-Зараского цикла по отношению к перекликающимся с ними памятниками древнерусской литературы XIV-XV вв.

Если предположить, что к заимствованиям из “Повести о разорении Рязани Батыем” прибегали авторы “Повести о нашествии Тохтамышша”, “Слова о житии и преставлении ... Дмитрия Ивановича”, “Задонщины”, то создалась бы странная ситуация: каждый из авторов этих произведений, обращался не ко

²⁹ Лихачев Д. С. Повести о Николe Зараском: (Тексты). ТОДРЛ. М. - Л., 1949. Т. VII. С. 257-406; остальную библиографию см.: Лихачев Д. С. Повести о Николe Зараскомю // Словарь-справочник книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). с. 332-337.

³⁰ Евсева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем” в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. // Вестник ЛГУ. 1983. № 20. С. 50-55; Евсева И.А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI-XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120-125; Евсева И.А. Повесть о разорении Рязани Батыем в Хронографической редакции XVI в. // Древнерусская литература. Л., 1984. С. 156-171; Евсева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем”: Редакции XVI и XVII веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985; Евсева-Лобакова И.А. “Стрелецкая” (Псковская) редакция “Повести о разорении Рязани Батыем” (к вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 370-377; Лобакова-Евсева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем” в новых редакциях XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. XLV. С. 379-389; Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций “Повести о разорении Рязани Батыем” // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLVI. С. 36-52; Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на материале Распространенной редакции “Повести о разорении Рязани Батыем”) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLVIII. С. 297-301.

всему тексту, а лишь к отдельной его части, причем каждый книжник использовал лишь тот отрывок “Повести о разорении Рязани Батыем”, который не брали составители других произведений. Естественнее было бы предположить, что отдельные части “Повести о разорении Рязани Батыем” были написаны под влиянием различных памятников древнерусской литературы конца XIV-XV вв. Это ставит под сомнение вывод Д.С. Лихачева о формировании этого цикла на протяжении двух столетий, при том, что его основа относится к первой половине XIV в.

Но кроме работ, доказывавших раннюю датировку памятника, известны и исследования, предлагавшие датировать его XVI в.³¹

Какие же аргументы можно привести в пользу датировки “Повести о разорении Рязани Батыем” XVI в.? О позднем сложении этого памятника древнерусской литературы могут свидетельствовать серьезные искажения исторических фактов в “Повести”, характерные для XVI в. речевые обороты в ее тексте, и переклички с памятниками русской литературы XV в., а также положение “Повести” среди других произведений Николо-Зараского цикла в различных его редакциях.

Так, в “Повести о разорении Рязани Батыем” есть целый ряд несоответствий историческим реалиям XIII в. Ее автор забывает имена рязанских князей, путает их родственные связи и судьбы. Так, названные в числе павших в битве с татарами Давыд Муромский и Всеволод Пронский скончались до татаро-монгольского нашествия. Не дожил до этого времени и Михаил Всеволодович,

³¹ Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVI вв. М.; Л., 1939. С. 141-145; Орлов А.С. Героическая тема древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 107-112; Кузьмин А. Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. С. 55-70.; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М. 1965. С. 154-180; Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV -первой половины XVI в. (По материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). Канд. дисс.... ист. наук. М., 1992, с. 84-101; Амелькин А.О. Когда родился Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3-4; Амелькин А.О. О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николе Зараском // Научно-богословская конференция “Зарайские мученики князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн”. г. Зарайск, 12-13 декабря 1998 года. М., 1999. С. 73-100. К сожалению, последняя работа вышла со множеством опечаток.

которому в “Повести” пришлось восстанавливать после разорения Пронск. Олег Ингорович Красный, который, кстати, был не братом, а племянником рязанского князя Юрия, не пал от татарских ножей. Страшная: гибель, приписанная ему автором “Повести”, на самом деле ждала через 33 года его сына Романа. Сам же Олег Ингорович вернулся из татарского плена в 1252 г. Епископ рязанский не погиб в осажденном городе, а выехал из Рязани незадолго до прихода татар. В качестве предков рязанских князей названы Святослав Ольгович и Ингорь Святославич, в действительности не являвшиеся родоначальниками рязанского княжеского дома. Сам титул Юрия Ингоровича - великого князя рязанского - появился лишь в последней четверти XIV в. До этого рязанский стол занимали просто князья. Определение дружины Евпатия Коловрата, численностью в 1700 человек, как небольшой, не соответствует реалиям домонгольской и удельной Руси, когда количество воинов у князя редко превышало 1000 всадников. Отождествление татар с половцами кажется характерным для XVI в.. Путаница родословных черниговских и рязанских князей возникла в то же столетие.

“Повесть о разорении Рязани Батыем” входит в цикл повестей о Николе Заразском. На сегодня выявлено 65 рукописных сборников, содержащих повести Николо-Заразского цикла. Списки делятся на 13 редакций, отличающихся друг от друга как по составу входящих в них произведений и их последовательности в цикле, так и самими текстами. Все редакции, за исключением редакции Святцев и Краткой редакции, восходят к редакциям Основным А и Б (первого и второго видов).

Время создания “Повести о разорении Рязани Батыем” может быть достаточно точно установлено по ее месту среди других произведений Николо-Заразского цикла в его Основных редакциях. Можно предположить, что Николо-Заразский цикл, во многом построенный как летопись, и возник по законам создания летописных сводов, когда к ранее написанному тексту последовательно добавлялись новые части.

Началом свода повествований о Зарайской святыни является “Повесть о принесении иконы Николы Корсунского в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи”. Она открывает Николо-Заразского цикл во всех его редакциях, а ее текст отличается большой устойчивостью. Видимо первоначально эта “Повесть о принесении иконы и о гибели князя Федора” существовала как самостоятельное произведение. Отдельно от других произведений Николо-Заразского цикла эта повесть или ее части известны в Прологе, в Хронографе Сергея Кубасова, в Краткой редакции Николо-Заразского цикла и в редакции Святцев. Причем последняя более логично объясняет связь событий татаро-монгольского нашествия со святыней, использует более архаичную лексику и приводит две версии происхождения названия города Зарайск, что обычно бывает в момент зарождения легенды.

“Повесть о принесении иконы и о гибели князя Федора” повлияла на “Повесть о разорении Рязани Батыем”, которая, возможно, первоначально также была самостоятельным произведением. Первая “Повесть” отражала топонимическую легенду о происхождении названия города Зарайск. Но сказание не могло появиться раньше, чем у города появилось само это имя, а в конце XIV в. в “Списке русских городов дальних и ближних” Зарайск назван “Новгородок на Осетре”. Лишь с начала XVI в. появилось имя Зарайск. Следовательно местная топонимическая легенда могла появиться лишь в это время, а “Повесть о разорении Рязани Батыем” возникла еще позднее.

Тексты “Повести о разорении Рязани Батыем” в Основных редакциях восходят к единому протографу, по-своему перерабатывая его. Но место, которое “Повесть о разорении Рязани Батыем” занимает в редакции Основной Б второго вила, отличается от места, отведенного “Повести” в редакциях Основной А и Основной Б первого вида.

В редакции Основной Б второго вида за рассказами о принесении иконы св. Николы в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи следует “Родом поповский” в редакции, созданной около 1526 г. (из 9 колен и 11 имен). Это родословие как бы отделяет древнейшую часть Николо-Заразского цикла от

“Повести о разорении Рязани Батыем”, за которой следует “Сказание о чуде 1513 г.”. “Сказание” создано до 25 августа 1530 г., поскольку в заключительном призыве к молитве о “государево здравии”, кроме самого великого князя Василия Ивановича и его “благоверной княгини”, упомянут государев брат, являвшийся наследником престола до рождения Иван Грозного. Следовательно, “Повесть о разорении Рязани Батыем” в Николо-Заразском цикле помещена между родословием священнослужителей 1526 г. и “Сказанием о чуде” 1530 г., что позволяет предположить ее написание в этом временном промежутке.

Косвенным свидетельством того, что до конца 1520-х гг. “Повестью о разорении Рязани Батыем” еще не было, является тот факт, что следов знакомства с ней нет в Никоновской летописи. А ведь эта летопись, составленная по повелению уроженца Рязанской земли митрополита Даниила всячески старалась подчеркнуть бывшее величие Рязанского княжества. Было бы странным, если бы он, зная “Повесть о разорении Рязани Батыем”, не приказал включить ее в создаваемый летописный свод. Никоновская летопись составлена около 1529 г.³², и, следовательно, до этого времени “Повести о разорении Рязани Батыем” еще не было.

Этот вывод подтверждается и положением “Повесть о разорении Рязани Батыем” в редакциях Основной А и Основной Б первого вида. В них Николо-Заразский цикл подвергся переработке, расставившей все его повести в порядке описываемых событий. “Повесть о разорении Рязани Батыем” с похвалой роду рязанских князей присоединили к “Повести о принесении иконы Николы Корсунского в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи”, а завершили свод “Родом поповским”, но уже в редакции 1560 г. (из 10 колен и 10 имен). Далее помещено “Сказание о чудесах”, составленное после 1528-1529 гг. Все это наводит на мысль о написании редакций Основной А и Основной Б первого вида в период от 1529 г. до 1560 г.

³² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв., М., 1980.

Это объясняет заимствования “Повестью о разорении Рязани Батыем” не только летописных рассказов о погребении Андрея Боголюбского и Василька Константиновича, но также фрагментов из “Задонщины”, “Повести о нашествии Тохтамышша на Москву”, “Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского”, “Жития Стефана Лазаревича” и “Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.”. Незнание автором реалий XIII в. не только заставило его обратиться к летописному рассказу о татарском нашествии на Русь, в том числе и через посредство сказания о гибели князя Федора, но и не позволило ему заметить многие неточности составленной им “Повести”.

В результате можно сделать вывод о том, что содержащая сказание о Евпатии Коловрате “Повесть о разорении Рязани Батыем” была написана в 1529-1530 гг., и именно в это время в Рязанской земле бытовало схожее с былиной о Сухмане предание о рязанском удальце Евпатии Коловрате.

С “Былиной о Сухмане” перекликается и “Житие Меркурия Смоленского”. Сюжетная схема обоих повествований приблизительно одна и та же. Так же, как и Сухман в былине, Меркурий в тайне от других людей узнает о своей обязанности вступить в бой с татарами (действие происходит ночью и никто кроме пономаря не видит героя), противник святого мученика многочисленен, смерть Меркурий принимает после победы от необычного противника - *“варваряна люта или сына того исполина”* (в Жулевской редакции “Жития” в этом месте появляется ангел), непочтение героя со стороны бранящей девицы приводит к его смерти. Но в этом сказании есть и отличия от “Былины о Сухмане. Во первых, герой вооружен. Во вторых, поведению девицы противопоставлено погребение святого Пресвятой Богородицей. Есть в “Житии Меркурия Смоленского” и перекличка со сказанием о Евпатии Коловрате. Герой “Повести о разорении Рязани Батыем” побеждает могучего шурина царя Батыея, а смоленский святой – некоего исполина. Поэтому для определения времени сложения “Былины о Сухмане необходимо учесть и время составления “Жития Меркурия Смоленского”.

“Житие Меркурия Смоленского” также давно известный и хорошо изученный памятник древнерусской книжности³³. Исследователям удалось выявить многочисленные списки “Повести” (79 списков) и распределить их по 7 редакциям, установить соотношение этих редакций между собой и выявить основные линии развития памятника (летописную, минейную и фольклорную), определить литературные источники сказания и своеобразие поэтики его редакций.

Аре. Кадлубовского убедительно доказал зависимость сказания о Меркурии Смоленском от “Жития Меркурия Кесарийского”³⁴, сделав вывод, что “Житие Меркурия Смоленского” представляет собой попытку приурочить события из жизни раннехристианского мученика к событиям русской истории XIII в. Таким образом, смоленская легенда - оригинальное произведение древнерусской литературы, посвященное теме борьбы с Батыевым нашествием, которое, однако, не отражает реального хода событий.

Определить время сложения “Жития” трудно, поскольку оно относится к легендарно-историческим произведениям и имеет не так много исторических реалий. Исследователями были высказаны различные точки зрения на ее датировку, от XIII до XVI вв. Однако сейчас общепринятым стало мнение о создании этого памятника не ранее второй половины XV - начала XVI в.

³³ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т.2. С. 155-198; Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107; Миндалев П.П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 266-273; Белецкий Л.Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС., 1922. Т. 99. № 8. С. 1-54.; Скрипиль М.О. Повесть о Меркурии Смоленском // История русской литературы. М.;Л.: Изд-во АН СССР. 1946. Т. 2. Ч. I.С. 357-361; Гудзий Н.К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 56. С. 98-103; Бахтина О.Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV-XVII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982. Бахтина О.Н. Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 196X. - С. 153-158; Амелькин А.О. Исторические реалии в “Повести о Меркурии Смоленском” // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 206-210.

³⁴ Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107.

Летописную линию развития “Жития Меркурия Смоленского” образуют три редакции. Наиболее ранней из них признается Хронографическая редакция. Ее возникновение может быть отнесено ко времени между написанием Хронографа 1512 г. и созданием свода, отраженного в Русском Временнике. К Хронографической редакции восходит протограф “Жития Меркурия Смоленского”, помещенного в Новгородской Забелинской летописи. Составление Забелинской редакции относится к первой половине XVI в. Наконец, летописную линию развитая памятника продолжает Летописная редакция, помещенная в своде 1652 г. и его протографе, своде 1592 г.

Другую линию развития памятника представляют тексты, помещенные в четьи сборники различного содержания и разделяющиеся на две редакции (Минейную и связанной с ней Западнорусскую) Создание Минейной редакции определяется около 1550 г. Западнорусская или Смоленская редакция “Жития” связывается с культурной деятельностью, развернувшейся в Смоленске после его возвращения России в 1654 г.

Своеобразной лирической редакцией “Повести” Ф.И. Буслаев считал службы Меркурию Смоленскому. На сегодня известно 10 списков служб, разделяемых на 3 редакции. Древнейшей среди них является Варсонофиева редакция, составленная в 1509-1514 гг. Уваровская редакция службы возникла после 1550 г. и до 1611 г. Архивная же редакция службы была написана во второй половине XVII в.

Особую линию развития “Жития” (фольклорную) представляет сохранившаяся в единственном списке Жулевская редакция. В ней к Меркурию обращается не икона, а сама Богородица, гибель его происходит не от “варваряна люта или сына того исполина”, убитого Меркурием, а от посланного Богоматерью прекрасного воина, битва с татарами происходит не сразу за Днепром, в 30 поприщах от города, на подвиг же Меркурий отправляется из Печерского монастыря, а не из Успенского собора. В Жулевской редакции нет указания на римское и княжеское происхождение Меркурия, но есть сообщения о молящихся в соборной церкви горожанам,

упоминается крест, перед которым молился Меркурий, Петровская сто, Печерский монастырь, чудесный конь и т.д.

Ф.И. Буслаев, думая, что “за эпическим периодом народного предания наступает новый период, лирический, в песнопениях или стихах, и прозаический в литературной отделке предания”³⁵, именовал Жулевскую редакцию народной и считал древнейшей. О.Н. Бахтина также полагала, что “протограф Жулевской редакции был создан в эпоху, близкую отраженным событиям, и несет в себе черта архетипа”³⁶.

Однако историко-топографические реалии, встречающиеся в Жулевской редакции “Жития Меркурия Смоленского”, указывают на XVII в.³⁷ Архиепископский сан смоленского владыки также подсказывает время создания Жулевской редакции: архиепископом глава смоленской епархии был с 1589 по 1681 гг.³⁸ В этой связи приобретает большое значение тот факт, что Жулевская редакция встречается лишь в единственной рукописи 1665 г. Предположение о возможном отражении в этой редакции “Жития” - сказаний о Меркурии Смоленском, бытовавших в устной народной традиции, подкрепляется наличием очень близкого варианта легенды, записанного в XIX в. в Смоленской губернии³⁹. Однако для ранней датировки Жулевской редакции “Жития” у нас нет никаких оснований. Даже О.Н. Бахтина считала невозможным отождествлять протограф Жулевской редакции с архетипом “Жития”, предположив его литературную обработку в XVII в.

Кое-что о создании Жулевской редакции может подсказать и путаница в названии южных ворот Смоленской крепости. Книжник называет их Мологскими, хотя правильное звучание этого имени - Молоховские. Это

³⁵ Буслаев Ф.И.. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т.2. С. 171.

³⁶ Бахтина О.Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV-XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982. С. 16-18.

³⁷ Амелькин А.О. Исторические реалии в “Повести о Меркурии Смоленском” // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 206-210.

³⁸ Макарий (Булгаков) митр. Московский и Коломенский. М., 1996. Кн. 6. С. 42; Кн. 7. С. 608.

позволяет предположить недавнее появление составителя Жулевской редакции в Смоленской земле. Скорее всего, он приехал с севера, из окрестностей Мологи. Этим объясняется и его интерес к новым для него преданиям, и их переработка в духе северорусских былин.

Три наиболее ранние редакции “Жития” (Хронографическая, Забелинская и Минейная) были созданы во второй четверти XVI в. на базе “Жития Меркурия Кесарийского” и западноевропейских легенд об обезглавленных мучениках⁴⁰, а следовательно, ее появление надо связывать с эпохой установления тесных контактов Руси с Западной Европой в конце XV - первой половине XVI вв. Исходя из сказанного, можно предположить зарождение сказаний о Меркурии Смоленском во время борьбы за присоединение Смоленска к Русскому государству. Таким образом еще один памятник древнерусской литературы, имеющий сюжет, сходный с былиной о Сухмане датируется началом XVI в.

В текстах XVI в. еще примеры развития сходного сюжета. Так, в 1594 г. посланник римского императора Рудольфа II Эрих Лассота в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря отметил мощи “великана и богатыря, названного Чоботком. Как говорят, когда-то внезапно напали [на богатыря] неприятели как раз когда он надел было один из сапогов своих. Не имея под рукой другого оружия, он в то время оборонялся от них другим сапогом, еще не надетым, и перебил им всех своих врагов, почему и был назван Чоботком”. Но в описании Киево-Печерского монастыря Афанасия Кальнофойского - “Teratourgema”, изданной в 1638 г., эти мощи уже приписаны “Илье Муромцу, по народному именуемому Чоботок”. Сражение без оружия сближает этого героя с былинным Сухманом. Но факт его погребения в Киево-Печерском монастыре Чоботка с Меркурием

³⁹ Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 379.

⁴⁰ Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107; Гудзий Н.К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 56. С. 98-103.

Смоленским, поскольку помимо сообщения о гробнице святого в Смоленске есть известие о переносе его мощей в Киево-Печерскую лавру. Однако сюжет победы над врагом с помощью не оружия, а первой попавшейся вещи оказался привязан к былине “Добрыня и Змей”. Чоботок же оказался отождествлен с Ильей Муромцем, чья гробница, вместе с гробницей его товарища, стояла в приделе Софийского собора. и в 1594 г. была уже разрушена. Показательно, что, как и в сказании о Демьяне Куденевице, время действия Ильи-Чоботка связывается Афанасием Кальнофойским с XII в. (1188 г.)⁴¹.

Подводя итоги всему ранее сказанному, следует признать, что рассказ о Евпатии Коловрате из “Повести о разорении Рязани Батыем”, “Житие Меркурия Смоленского” и сказание о Никите Демьяновиче, помещенное в Ипатьевской летописи сюжетно схожи между собой и близки “Былине о Сухмане”. В них герой внезапно сталкивается с противником, самостоятельно принимает решение об оказании отпора врагу, ведет бой с превосходящими силами противника, одерживает победу и погибает, но не в поединке, а в результате какого-то чрезвычайного обстоятельства (вражеской хитрости или по Божьей воле), подвиг первоначально не имеет свидетелей, а воздаваемая ему людская хвала неуместна т.к. павший герой уже в ней не нуждается.

Но к моменту создания названных памятников древнерусской литературы в этом эпическом сказании о непризнанном подвиге еще не устоялись ни имя героя (Евпатий Коловрат, Меркурий Смоленский, Никита Демьянович), ни место его действия (Рязань, Смоленск, Переяславль), а также отсутствовали четкая хронологическая привязанность события (1237, 1237, 1148 гг.) и единое объяснение причин по которым герой не мог сразу принять почести за свой подвиг (честь воздает Батый, идущая за водой

⁴¹ Калугин В.В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре М.: Современник, 1989. С. 116-120; Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. С. 346-347.

девка бранит героя, князь опаздывает к ложу умирающего победителя). Все эти подробности приобрели окончательный вид только в XVII в., когда данный сюжет нашел свое развитие в “Повести о Сухане”. В ней мы встречаем те же именные, топографические и хронологические привязки действия, что и в “Былине о Сухмане” (герой - Сухан/Сухман; место действия – окрестности Киева, время действия – эпоха князя Владимира, враги - татары). В сказании о Сухмане на первый план выдвинут социальный конфликт – важной оказывается не только победа богатыря, но и его самоубийство, как протест против недоверия ему, проявленного со стороны князя. Само имя этого героя находит свое отражение в “Сказании о киевских богатырях” из рукописного сборника XVII в.⁴²

Таким образом, сказания, отразившие сюжетную схему “Былины о Сухмане”, впервые зафиксированы в древнерусской книжности в начале XIII в., но еще были лишены мотива оскорбления героя, возвращавшегося после подвига. В первой трети XVI в. эти сказания получили более широкое распространение, оказались дополнены мотивом оскорбления героя, но еще не имели окончательного оформления. Следовательно, читая сказание о Никите Демьяновиче в Ипатьевской летописи, “Повесть о разорении Рязани Батыем” и “Житие Меркурия Смоленского”, мы присутствуем при моменте рождения былины XVI-XVII вв. о татаро-монгольском нашествии. эпического сказания близкого “Былине о Сухмане”.

⁴² Калугин В.В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре М.: Современник, 1989. С.104.